

Завтра — 80-летие со дня рождения Пилипа Пестрака

ВЕСТНИК НОВОЙ ЖИЗНИ

Поэту было тогда 45 лет, но выглядел он намного старше — сказалась многолетняя неволя.

Творческая биография писателя при всех хитроплетениях его судьбы сложилась необычайно последовательно. Говоря об известном произведении Пилипа Пестрака «Сустрэнемся на барыкадах», А. А. Фадеев отметил: «По своей форме это, с одной стороны, «роман-хроника», поскольку исторические события передаются в нем в той последовательности, в какой они совершились (это не исключает, понятно, художественного вымысла). С другой стороны — это «роман-биография», поскольку в центре его находится, так сказать, сквозной «лирический» герой. Его мы не должны объединять с автором, но все же через этого героя высказано немало пережитого, смысла писателем».

И в автобиографических заметках, и в частных беседах Пилип Семенович с особой теплотой вспоминал время учёбы на социально-историческом факультете Самарского университета. Атмосфера всеобщего подъёма, знакомство с марксистско-ленинской литературой послужили импульсом для революционной настроенности пытливого и впечатлительного юноши. Когда на Поволжье вспыхнули голод и эпидемия тифа (семью писателя забросила сюда империалистическая война) и будущий автор пламенных стихов и романов вернулся на родину, он не смог закрыть глаза на издевательства, которыечилили пылающие над обездоленным народом. Это и привело его в ряды сознательных борцов за лучшее будущее — Коммунистическую партию Западной Белоруссии.

Общая подготовка и темперамент борца скоро выделили Пилипа Пестрака как фигуру значительную, которую не могли не заметить агенты дефензивы. Он попадает в лапы своих заклятых врагов, начинается бесконечное хождение по мукам — из тюрьмы в тюрьму. В камере за решёткой художник, не обращая внимания на голод, холод и лишения, неутомимо пополняет свои знания, любует писать, выбрав себе символический псевдоним, — Вестник. Медленно и мучительно находят дорогу на волю отгненные строки, рожденные в глухих одиночках.

Реакция тем временем еще больше свирепеет. Суды и пересуды. Бунтарю, избранному секретарем тюремного комитета политзаключенных, к прежнему сроку добавляют новые и новые. Он удивительно стойко, как и подобает коммунисту, держится на судебных процессах. Как свидетельствуют многие участники этих позорных судилищ, Пилип Семенович

бросал в холодные глаза своих судей безжалостные слова правды, не боясь поплатиться за это жизнью.

Только великие мечты может породить такой характер. В нем все было подчинено одному стремлению — из тьмы неволи подарить народу солнце. Таким и выступает на страницах романа «Сустрэнемся на барыкадах» Андрей Кастевич, которого автор наделил многим из пережитого самим. Необходимо подчеркнуть, что его соратниками по борьбе стали люди разных национальностей — украинец Антон Данилюк, поляки Вацлав Санковский и Станислав Барвина; еврей Гриша Плотка, белорус Демьян Горегляд. Классовый, интернациональный подход к жизненным явлениям — одна из важнейших черт романа.

«Серадзібор» создавался на моих глазах в Доме творчества в Королищевицах. Тут, можно сказать, я впервые ощутил привлекательность Пилипа Семеновича как человека, видел его неутомимое трудолюбие, интерес к людям. Писателя часто можно было застать задумчивым, ушедшим в себя, когда он что-то шептал, стоя перед стеной — видно, сказалаась привычка долгого тюремного одиночества. И еще одна черта — и поле, и лес, и небо были для него живыми, с ними он тоже разговаривал наедине.

«Серадзібор» — книга о земле, ее тайнах. И героями ее стали агрономы и партийные работники, учёные и колхозники. Их заботы понятны каждому. Земелька должна щедро оплачивать труд хлебороба. Об этом все думы Платона Грушки, Нестора Подковы и многих других.

Писал Пилип Семенович рассказы, стихи, статьи, дорожные заметки, успевал откликнуться чуткой рецензией на книгу молодого поэта, вел большую общественную работу как депутат Верховных Советов СССР и БССР, член правления Союза писателей республики. Будучи за границей, удивлялся не экзотическим красотам, а только тому, что несло на себе отблеск человеческого гения, отзвук революционной борьбы (стихи «Жан-Жак Руссо», «Пэр-Лашэз», «Юманитэ»).

Ему часто нездоровилось, но никогда никому не жаловался на одолевающие хвори. С азартом юности работал до последних дней. Вот почему нас так волнуют сегодня его теплые, пронизанные жизненным оптимизмом строки, книги, над которыми не властно время.

Степан ГАВРУСЕВ.
(БЕЛТА).

В ЧЕРАШНИЕ фронтовики в военных гимнастерках рубят новые хаты. Земля пахнет сосновой смолой и гарью. Жизнь потихоньку входит в нормальную колею — заливистым школьным звонком, самодельными тетрадями из старых газет и новыми книгами на родном языке. Это был 1946 год.

Вот в эти дни и попала мне в руки книга. Называлась она созвучно тому времени — «За сваю Айчыну». Но ни портрета автора, ни биографических данных в ней не было. Только имя и фамилия — Пилип Пестрак. Стихи захватили меня энергичной ритмикой, необычной образностью — фольклорная основа в них часто сочеталась с революционным лозунгом.

Позже я узнал, что поэт — бывший узник белопанских торсом, проведший в неволе 11 лет.

Вскоре мне довелось встретиться с Пилипом Семеновичем. Произошло это в октябре 1948 года на республиканском семинаре молодых писателей. Я очень внимательно присматривался к человеку с бритой головой, который, приставив ладонь к уху, заинтересованно слушал наши произведения, то одобрительно кивая, то отрицательно качая головой.

— Пилип Пестрак... — тихо сказал мне сосед,